

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9—16 августа 1960 г.

ТОМ V

ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ XVI—XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Под редакцией

Б. Г. Гафурсва (председатель редакционной коллегии),
И. С. Брагинского, А. А. Губера,
И. М. Дьяконсва (секретарь редакционной коллегии),
И. И. Потехина, С. Л. Тихвинского и С. П. Толстова

СОДЕРЖАНИЕ

Секция XVI. Китаеведение	5
Подсекция истории	5
Подсекция филологии	89
Секция XVII. Корея	234
Секция XVIII. История Монголии	302
Секция XIX. Япония	355
Секция XX. Африканистика	491
Подсекция истории	555
Подсекция филологии	586
Послесловие	620
Список делегатов	621

ТРУДЫ XXV МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ

Т о м V

*Печатается согласно решению
Президиума АН СССР от 19 сентября 1960 г.*

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2
1 Типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

*Л. С. ПУЧКОВСКИЙ (Ленинград): ИДЕЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХАНОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЛЕТОПИСЯХ XVII—XIX*

Монгольские летописи XVII—XIX вв. за все время их изучения рассматривались главным образом как источники сведений по истории монголов. В науке эти памятники получили самую различную оценку.

Монгольские летописи представляют также значительный интерес и в идеологическом отношении. Эта сторона летописей не рассматривалась еще подробно, хотя замечания общего характера уже были сделаны.

Идеология монгольских летописей не сформулирована в них в виде точных положений. Отчасти она усматривается из структуры сочинений. Кроме того, ее можно определить путем анализа различных сообщений, замечаний, отдельных выражений и т. п., рассыпанных в разных местах летописей. Будучи собраны воедино, эти сведения дают возможность по-

лучить представление об идеологической направленности монгольских летописей XVII–XIX вв.

Идеологическая направленность монгольских летописей нашла особенно ясное выражение в идее непрерывной преемственности происхождения ханов.

Возникновение этой идеи тесно связано с созданием и развитием монгольской историографии. Монгольская феодальная аристократия в своих классовых целях уделяла большое внимание вопросу о происхождении и судьбах различных родов и племен, в особенности ханов, которые стояли во главе их. При этом монгольские ханы и остальная знать с давних пор стремились показать, что они происходят от наиболее древних и родовитых предков. Это являлось одним из способов идеологического обоснования ханской власти. Такой характер имеют те сведения о происхождении монгольских ханов, которые на основании различных, в том числе и монгольских, источников Рашид ад-дин сообщает в 1-й и 2-й книгах I тома *Сборника летописей*. Несколько родословных монгольских князей имеется и в *Сокровенном сказании*. В этих родословных Чингис-хану приписывалось сверхъестественное, чудесное происхождение; вместе с тем происхождение рода Борджигид и других аристократических родов представлено как чисто монгольское.

Проследить развитие идеи преемственности со второй половины XIV в. до середины XVII в. не представляется возможным, ввиду того что памятников монгольской историографии за этот период не сохранилось.

Вопрос о происхождении монгольских ханов приобрел особенно большое значение в связи с изменением положения в Монголии со второй половины XVI в. С этого времени происходит распадение Монголии на уделы, ханы которых объявляли себя хаганами. Количество уделов все более возрастало, причем внутри их также возникали новые ханства. В XVII в. некоторыми крупными ханами были предприняты попытки политического объединения восточных монголов. Все эти события сопровождалось ожесточенными феодальными войнами. В области идеологии особенно необходимым представлялось обоснование господствующего положения и укрепление авторитета общемонгольского хагана, удельных ханов и отдельных владетельных феодалов. Достижению указанных целей должна была служить концепция происхождения ханов от древних и высокородных предков в их непрерывной преемственности.

Предпосылки этой концепции были показаны выше, но свое полное развитие она получила в связи с тем, что индийское и тибетское культурное и религиозное влияния распространились и на область монгольской историографии, а буддийское учение о «перерождениях» было применено к вопросу о происхождении монгольских ханов.

Буддийское влияние выразилось прежде всего в том, что авторы монгольских летописей стали следовать традиции, принятой в монгольских сочинениях по истории буддизма в Монголии, в которых проповедники этой религии среди монголов в XIII–XIV вв., а затем в XVI–XVII вв. возводились в итоге длинного ряда «перерождений» к буддийским божествам, духовным лицам времен Шакьямуни и т. п. Буддийское влияние видно и в том, что преемственность монгольских ханов признается непрерывной как течение Ганга, что видно хотя бы из заглавия сочинения Гомбоджаба — *Činggis ejen-ü altan uruy-un teüke. Gangga-yin urusqal neretü bičig* — «История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием „Течение Ганга“». О «течении Ганга» как символе непрерывности происхождения монгольских ханов говорится в следующих

выражениях в летописи *Алтан хурдун минган хэгэсүту хэмэху бичиг* (в дальнейшем цитируется как *Минган хэгэсүту*)*:

1) — «Молитвенно поклоняюсь ему — первенствующему сакьяскому царю, который поистине, подобно течению Ганга, непрерывно продолжал род обладающих чистым происхождением, начиная с первого [царя] Маха-Самади, ставшего владыкой самых первых людей в Индии» (F 542, тетр. I, л. 2а).

2) — «Происхождение ханов по [своей] преемственности подобно течению Ганга...» (F 542, тетр. V, л. 27б).

Вопрос о том, в каких сочинениях идея преемственности встречается впервые, представляет большой интерес. Было отмечено, что эта идея была выражена в *Цаган тухэ* — трактате об управлении государством путем сочетания светской и духовной власти. В этом сочинении, приписываемом Хубилаю (1260—1294), неоднократно отмечается преемственность такого принципа управления со времен индийских и тибетских царей².

Наиболее полно и последовательно идея преемственности отражена в схеме построения монгольских летописей, согласно которой история монголов излагается как история: 1) мифических индийских царей; 2) легендарных тибетских царей; 3) монгольских хаганов Юаньской династии и послеюаньских ханов Монголии. Относительно этой схемы в самих монгольских летописях не высказано никаких соображений теоретического характера. Между тем эта схема составляет их структурную основу. По этой схеме написаны как большие, так и малые по объему монгольские летописи XVII—XIX вв., в частности те, которые имеются в Собрании монгольских рукописей и ксилографов Института народов Азии АН СССР: *Алтан тобчи* (анонимная); *Алтан тобчи* (соч. Лубсан Дандзана, фотокопия); *Эрдэни-йин тобчи*, *Шара тэджи*, *Ганга-йин урусхал*, *Эрдэни-йин толи*, *Алтан хурдун минган хэгэсүту бичиг*, *Болор эрихэ*, *Эрдэни-йин эрихэ* (соч. гэлүна Ишибалдана); *Болор толи*, *Эрдэни-йин эрихэ* (соч. Галдан-тусалакчи); *Субуд эрихэ*³.

В одних сочинениях эта схема представлена в более полном виде и изложению ее предшествует очерк буддийской космогонии, в других — она выражена менее полно или же только упоминается, но несомненно, что она свойственна большинству монгольских летописей XVII—XIX вв.

Очень яркое выражение идея преемственности получила в легенде о сыне Тогон Тэмуре. Падение Юаньской династии нанесло монгольской аристократии серьезный морально-политический ущерб. Авторитет монгольского хагана был в значительной степени подорван, что было выражено, например, в известном *Плаче* Тогон Тэмуре. «Преемственность» 'индийские цари — тибетские цари — монгольские хаганы' должна была оборваться, и притом прежде всего, по линии монгольских правителей Китая. Для монгольской аристократии, оказавшейся в трудном положении, сохранение авторитета хагана как китайского императора являлось весьма важным в политическом отношении. Эти интересы феодальной аристократии и хагана получили свое выражение в названной выше легенде. Содержание этой легенды сводится к следующему. При бегстве Тогон Тэмуре из г. Дайду жена его осталась в столице, находясь на третьем месяце беременности. Она была взята в плен и стала женой Хун-у — основателя династии Мин. По ее молитве Небо продлило беременность

* Транскрипция монгольского текста всех цитат из монгольских летописей приведена в отдельном издании в серии «XXV Международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.

еще на десять месяцев, как об этом говорится в большинстве сочинений, например: 1) *Алтан тобчи* [анонимной (G 26)]; 2) *Эрдэни-ийн толи* (F 215); 3) *Минган хэгэсүтү* (F 542); 4) *Болор эрихэ* (F 511); 5) *Болор толи* (F 305); 6) *Эрдэни-ийн эрихэ* (F 316), или же на 12 месяцев. [См. соч. без заглавия (F 240), а также соч. *Erte nigen čaytu dayimung suutu boyda činggis qayan-u ür-e ёse tanju-dur aldarsi ju angqa qayan sayuusan calig*, — «Повествование о том, как в давние времена [один] из потомков Даймун [Даймин]-суту-богда Чингис-хана, прославившись у маньчжуров [?], первым вступил на ханский престол» (D 88), где легенда изложена наиболее подробно]. Вследствие этого родившийся мальчик был признан императором Хун-у родным сыном, а затем стал императором Юн-лэ. Его якобы монгольское происхождение особенно подчеркивается в следующих сочинениях:

1) В летописи *Болор толи* (F 305, л. 87а) сообщается: «Его имя было Даймин Юн-ло [Юн-лэ]-хан. Хотя он как будто был потомком китайского хана, по происхождению он был монгольского ханского рода. Впоследствии мать говорила хану Юн-ло [Юн-лэ] так: „Ты не потомок китайцев, а из рода Чингис-хана, природный монгол“».

2) В *Эрдэни-ийн эрихэ* (F 316, л. 156) об императоре Юн-лэ сказано: «... В год земли—тигра он вступил на великий ханский престол. Говоря, что [на престол] вступил потомок нашего законного хана, дали ему имя Юн-ло [Юн-лэ] — [династии] Даймин».

Перечисление императоров династии Мин (см. *Эрдэни-ийн эрихэ*, F 316, лл. 156—16а; *Алтан тобчи*, G 26, лл. 28а—28б) приведено для того, чтобы доказать монгольское происхождение династии Мин, как это справедливо заметил Ч. Боуден⁴.

Таким образом, по мнению монгольских историков, Юаньская династия продолжала свое существование в Китае. Продолжала она существовать и в Монголии, как об этом сообщается в одном из наиболее значительных произведений монгольской историографии — *Болор эрихэ* (F 511, тетр. IX, л. 28а). Согласно этому сочинению 14 хаганов — от Чингис-хана до Шунь-ди (Тогон Тэмюра) — составили «*Uridaki yuwan ulus*» — «Предшествующую Юаньскую династию», а 21 хан — от Аюшидарахана (Биликту-хана, 1370—1378) до Лигдан-хана (1604—1634) — «*Qoyitu yuwan ulus*» — «Последующую Юаньскую династию». Мнение о том, что Юаньская династия сохранилась в Монголии, было высказано также в сочинении *Минган хэгэсүтү*.

1) При перечислении шестнадцати хаганов Юаньской династии называются те народы, которыми они владели (F 542, тетр. III, л. 146). Относительно же Тогон Тэмюра (1333—1368) сказано: «... Этот Шунь-ди Ухагатай [хаган] является хаганом только монгольской Северной Юаньской династии» (там же, л. 15а).

2) Даже о Биликту-хане (1370—1378), при котором столицей Монголии вновь стал Каракорум, сообщается: «Великий тайши Тогон Тэмюра У-цзун Биликту Аюшидара в год железа—собаки [1370] вступил на ханский престол, и полностью владеет своим монгольским народом из десяти тумэнов, стал ханом одного только монгольского государства, называвшегося „Северная Юаньская Династия“» (там же, л. 16а). (См. еще F 542, тетр. III, л. 1а).

Для развития идеи преемственности большое значение имело признание Даян-хана (1479—1543) общемонгольским хаганом, вследствие чего он считал себя преемником юаньских императоров. В связи с этим имеются следующие сообщения:

1) В летописи *Болор эрихэ* (F 511, тетр. IX, л. 22а): «Когда перед восемью белыми ставками на великий престол возводили хана, то превосходному по правлению и обычаям великому юаньскому владыке Бату-Мункэ поднесли верховный титул „Прекрасный великий юаньский хаган — владыка“» (ср. там же, лл. 21а, 22б, 25а, 36а);

2) В сочинении *Минган хэгэсүтү* (F 542, тетр. III, лл. 27б, 28а, 28б, 33а, 34а; тетр. IV, лл. 1а, 20а) Даян-хан именуется *Dayin qayan* — «Великий юаньский хаган».

Идея преемственности выразилась еще в том, что большинство монгольских летописей продолжало именовать *хаганами* — титулом юаньских императоров — и всех послеюаньских ханов в Монголии. Однако в нескольких сочинениях [например: 1) *Эрдэни-йин толи* (F 215); 2) *Эрдэни-йин эрихэ*, соч. гэлун Ишибалдана (F 540_{II}); 3) *Болор толи* (F 305); 4) *Эрдэни-йин эрихэ*, соч. Галдан-тусалакчи (F 316)] — эти ханы именуется *бага qayad* или *бага qad* — «малые ханы». Это произошло под влиянием китайских исторических сочинений, в которых послеюаньские ханы называются *сяо-ван-цзы*, дословным переводом чего и является выражение *бага qayad* или *бага qad*.

Дальнейший ход истории монголов сложился весьма неблагоприятно для развития идеи преемственности. Победа маньчжурских завоевателей лишила Монголию политической самостоятельности. Однако монгольские феодалы для укрепления своей власти и поддержания авторитета считали необходимым, чтобы их сюзерен признавался происходящим из рода Чингис-хана или из рода, тесно с ним связанного, а также, чтобы он считался обладающим всей полнотой власти, преемственно перешедшей к нему от монгольских хаганов, начиная с Чингис-хана.

Стремления монгольских феодалов были выражены в легендарных повествованиях:

1) О происхождении династии Цинг;

2) О судьбе «Нефритовой Печати» — *Хас-бао*.

Первая из этих легенд представлена в нескольких вариантах. Согласно варианту в сочинении *Эрдэни-йин толи* (F 215, лл. 28б—29а) в связи с болезнью Чингис-хана один из его сподвижников — Чу-мэргэн — был в качестве выкупа (*joliyasun*) выдан [духам] и исчез. В дальнейшем он оказался на вершине горы и похитил одну из трех купавшихся в озере небесных дев, которая впоследствии родила сына. Еще в одном варианте (Сочинение без заглавия, шифр F 240, лл. 6а—7а) «небесную деву похитил и отцом мальчика стал . . . человек по имени Орлик — потомок джурчидского [чжурчженского] Чу-мэргэна — одного из девяти урлюков священного Чингис-хана. . .» Далее сообщается, что мальчик был доставлен в столицу и возведен на престол.

Эта легенда не разработана так тщательно, как повествование о сыне Тогон Тэмуре, но она представляет большой интерес как попытка связать происхождение маньчжурской династии если не с самим Чингис-ханом, то с одним из его ближайших сподвижников или же с его потомком.

Судьбу *Хас-бао* — «Нефритовой Печати» можно проследить по сообщениям монгольских летописей, начиная с того момента, как эта печать, обладающая необычным видом и волшебными свойствами, была сверхъестественным путем пожалована Чингис-хану (См. *Эрдэни-йин тобчи*, F 188, тетр. II, лл. 10а—10б; 2) *Минган хэгэсүтү*, F 542, тетр. II, л. 3б; 3) *Болор толи*, F 305, том III, лл. 37а—37б; 4) *Эрдэни-йин эрихэ*, F 316, л. 6а), а затем была увезена Тогон Тэмуром при бегстве

из столицы; 1) F 188, тетр. III, л. 16; 2) F 542, тетр. III, л. 136; 3) F 305, тетр. III, л. 59б; 4) F 306, л. 14б.

Далее об этой печати сообщается:

1) В летописи *Болор толи* (F 305, том III, лл. 81б–82а): «... Как только тот Лигдан-хан скончался, жены Лигдан-хана по имени Нингин-тайхоу и Суй-ди-тайхоу, забрав двух своих сыновей — Ачи-Хорхола [Эджэй-Хоргола] и Абахая вместе с ханской державной Нефритовой Печатью, вернулись назад; тогда своего [старшего сына] Аджи-Хорхола [Эджей-Хоргола] со множеством народа они покинули на пути, а со своим младшим сыном Абахаем и Чингисовой печатью смиренно явились к Сэцэн-хану. Вследствие того, что тот маньчжурский хан за владел Чингисовой печатью, он стал монгольским ханом. . .»

2) В летописи *Эрдэни-йин эрихэ* (F 316, л. 6б): «Весною десятого года правления маньчжурского Сэцэн-хана, [его] великое войско умиротворило чахаров. Вследствие того, что он отыскал наследие Юаньской династии — Нефритовую Драгоценность, в первом летнем месяце хагану был поднесен почетный титул, а название годов правления было изменено, и [оно] стало продолжаться под названием „Первого года [правления] Дэгэду эрдэмту“. О [таком] изменении я, между прочим, [здесь] кратко написал. Так называемая Нефритовая Драгоценность и есть *Хас-бао* — “Нефритовая печать”. Несколько дальше (л. 17а) имеется подобное же сообщение.

Следует еще отметить, что согласно рассматриваемой здесь идее преемственности древность происхождения монгольских ханов тесно связывалась с высокородностью их предков. В летописях XVII—XIX вв. это получило выражение в легендарных сообщениях и пышной титулатуре.

И в этом отношении в значительной степени сказалось буддийское влияние. Мифический прародитель монгольских ханов — индийский Маха Самади представлен как *Kürdün orčiγulurγi qaγan* — «Царь, вращающий колесо», что является передачей санскритского *чакравартин* — «всемирный монарх». Далее, этот титул присвоен тибетскому царю Сронцан-Гампо, а затем монгольским хаганам — Чингису, Хубилаю (1260—1294), тумэтскому Алтан-хану (род. в 1507 г., умер в 1582 г.), а также ордосскому Бошокту-джинону и другим феодалам, как сообщает Саган Сэцэн.

Согласно монгольским летописям XVII—XIX вв. индийский Маха Самади имел еще титул *Olan-a | ergüdegsen qaγan* — «Многими возведенный хаган». Насколько большое значение монгольская феодальная аристократия придавала этому титулу даже в новейшее время видно из того, что титул «Многими возведенный» был присвоен правителю Автономной Монголии (1911—1919) и сохранялся за ним до самой его смерти (1924).

Буддийское влияние видно далее и в том, что согласно анонимной *Алтан тобчи* Чингис-хан «родился по повелению Будды для усмирения двенадцати дурных царей — мучителей всех живых существ». В *Алтан тобчи* (соч. Лубсан-Дандзана) отмечено, что «рождение Чингис-хана было предсказано Буддой».

Вместе с тем о происхождении Чингис-хана сообщаются сведения и ему присваиваются эпитеты добуддийского характера, восходящие к сообщениям *Сокровенного сказания*. Из многих примеров можно привести следующие:

1. В сочинении *Ганга-йин урусхал* отмечено: «Вследствие того, что

владыка Бодончар был ниспослан небом, нет надобности касаться [вопроса] о происхождении Добу-Мэргэна. . .» (F 294, л. 276).

2. «Небесное» происхождение Чингис-хана указано в заглавии сочинения *Tngri-еёе жауагатай бойда Ынггис қаған-н домгу орусйба* — «Предание о священном Чингис-хане, ниспосланном небом». (Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института народов Азии, Н 36.)

3) Значение эпитета *sutu*, присвоенного, кроме Чингис-хана, также и Лигдан-хану, наиболее полно и точно передано Б. Я. Владимирцовым в словах «Обладающий счастьем-величием».

Из титулов послеюаньских ханов следует отметить титул *dayiming* — Даймин. Слово это произошло от китайского названия «Великая [династия] Мин», но, как показал Б. Я. Владимирцов, оно «. . . получило у монголов значение „великий, всемирный“»⁵. Вопросу о происхождении еще одного титула *Dayan-qaγan* — «Всемирный хан» посвящена специальная работа Б. Я. Владимирцова⁶. Следует добавить, что этот титул в ряде случаев имеет написание *Dayin-qaγan* (*Минган хэгэсүтү*, F 542, тетр. III, лл. 28а, 33а; тетр. IV, л. 1а и др.), то есть связывается с названием *Dai yuwan* — «Великая Юаньская [династия]». Таким образом, и Даян-хан рассматривается как один из представителей Юаньской династии в Монголии.

Следует отметить, что пышный титул Лигдан-хана имеется в *Шара туджи*⁷ и в *Минган хэгэсүтү* (F 542, тетр. III, л. 316). Однако в других сочинениях, например в труде Саган Сэцэна (F 188) и в *Болор толи* (F 305) Лигдан-хан именуется только *Outuytu qaγan* («Святой хан»). Это объясняется тем, что последние два произведения написаны под сильным влиянием маньчжурских придворных кругов.

Из всего сказанного видно, что в идее преемственности нашло свое выражение стремление монгольской феодальной знати показать, что происхождение и власть монгольских ханов непрерывно пребывают в том ореоле могущества и величия, которыми в ее глазах обладали древние цари Индии и Тибета и позднее — императоры династий Юань, Мин и Цин.

Однако это стремление и идея преемственности, в которой оно было выражено в памятниках монгольской феодальной историографии, находились в полном противоречии с исторической обстановкой того времени и с положением Монголии в XVII—XIX вв.

Изложенные воззрения представляют несомненный интерес для изучения идеологии господствующего класса феодальной Монголии XVII—XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934, стр. 15.

² Л. С. Пучковский, *Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.*, «Ученые записки Института востоковедения», М.—Л., 1955, т. VI, стр. 154—155.

³ Ср. также Г. Гомбоев, *Алтан тобчи*, СПб., 1858, А. Mostaert, F. W. Cleaves, *Altan tobči*, Cambridge, Mass., 1952 («Scripta Mongolica I»); А. Mostaert, F. W. Cleaves, *Erdeni-yin tobči*, pts I—IV, Cambridge, Mass., 1956 («Scripta Mongolica II»); Н. П. Шастина, *Шара туджи*, М.—Л., 1957; W. Heissig, *Altan kürdün mingyan gegesütü biig*, Kopenhagen, 1958; А. Mostaert, F. W. Cleaves, *Bolor erike*, pts I—V, Cambridge, Mass., 1959 («Scripta Mongolica III»).

⁴ Charles Bawden, *The Mongol chronicle Altan Tobči*, «Göttinger Asiatische Forschungen», Wiesbaden, 1955, Bd 5, S. 13.

⁵ Б. Я. Владимирцов, *О прозвище «Дауан-гауан» (Даян-хан)*, «Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 121.

⁶ Б. Я. Владимирцов, *указ. соч.*, стр. 119–121.

⁷ «Шара туджи», *Монгольская летопись XVIII в.*, сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной, М.—Л., 1957, стр. 75 (текст) и стр. 150 (перевод).

По докладу выступили О. Латтимор, А. Рона-Таш, дополнивший аргументацию автора на материале монгольского фольклора, Ф. Обен, Г. Н. Румянцев, Ч. Далай, Ш. Нацокдоржи.